

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1989

- Султана Веледа. - III и ПИЧНВ-19, ч. I, М., 1986, с. 188-195.
16. M.G.S.Hodgson. The Venture of Islam. Vol. 2. The Expansion of Islam in the Middle Periods. Chicago: The University of Chicago Press, 1974. - VIII + 609 с.
17. /Дж.Хумаи/ Валад-нама. Маснави-и Валади. Ба таских ва муқаддама-и Джалал Хумаи. Техран: Китабхана-и Иқбал, 1315/1936.

С.Хойслер

**ФУНКЦИИ "КОРМЛЕНИЯ" И СОВМЕСТНОЙ ТРАПЕЗЫ В
"ЖИЗНЕОПИСАНИИ ШЕСТЕРЫХ ВАССАЛОВ" НАМ ХЁОНА**

"Жизнеописание шестерых вассалов" ("Юксин джон") написано корейским ученым и литератором Нам Хёном (1454-1492) во второй половине XV века на ханмуне (корейизированном варианте древнекитайского языка). В произведение входят жизнеописания выдающихся ученых, поэтов, политических деятелей Кореи середины XV века - жизнеописания Сон Саммуча, Пак Пхэннёна, Ли Гэ, Ха Виджи, Лю Сонвона и Ю Ынбу. Все они были казнены в результате неудавшегося дворцового переворота, поднятого ими в 1456 году с целью восстановления на престоле законного государя Танджона (1453-1455), свергнутого узурпатором Седжо (1455-1468). Еще долго после жестокой расправы Седжо с участниками заговора 1456 г. деяния этих шестерых образцовых подданных-конфуцианцев волновали умы образованных людей в Корее. Имена их стали символами преданных государю подданных, и шире - верных своим принципам людей. В историю они вошли как "Сарюксин" - "Шестеро казненных вассалов". Некоторые из них - Пак Пхэннён, Сон Саммун и Ли Гэ - принимали активное участие в создании корейской национальной письменности.

Произведение Нам Хёна известно нам в двух вариантах. Кроме упомянутого выше варианта "Юксин джон" существует вариант, имеющий название "Пу юксин джон" - "Жизнеописание шестерых вассалов с приложениями". В него помимо жизнеописания "Шестерых вассалов" включены жизнеописания близких им по духу или - судьбе людей: жизнеописания Чон Бона, Хо Ху, Ли Чинока, Ким Сисыпа, а также самого автора "Юксин джон" - Нам Хёна.

Центральная проблема в каждом из входящих в "Юксин джон" и "Пу юксин джон" жизнеописаний - оценка данной личностью (героем жизнеописания) незаконных действий узурпатора Седжо и ее реакция на эти действия. Герои жизнеописаний определяют свою позицию в

кризисной ситуации прежде всего исходя из принципов конфуцианской этики и морали, заметно усиливших свое влияние в Корее в первой половине XV века. Один из "Шестерых казенных", Сон Саммун, напр., мотивирует свою верность Танджону и выступление против узурпатора Седжо перефразированной цитатой из книги "Мэн-цзы": "Я сделал это потому, что в небе нет двух солнц, а у народа нет двух государей". (Ср. Мэн-цзы: "На небе нет двух солнц, а у подданного нет двух государей". (2, 352). Сон Саммун также выражает свое осуждение Седжо, свергнувшего своего племянника - малолетнего государя Танджона, противопоставляя действиям Седжо поведение Чжоу-гуна, бескорыстно помогавшего своему племяннику - малолетнему государю Чэн-вану в управлении государством и не державшего претендовать на престол.

Однако, вполне возможно, что поведение героев "Жизнеописания" помимо конфуцианских правил определялось еще и собственно-корейскими представлениями, сложившимися в древности и восходящими к идеологии эпохи Силла (VII-X вв.), первого единого государства на Корейском полуострове. На это, в частности, указывает особая роль "еды" в "Жизнеописании".

В разделе "Жизнеописание Сон Саммуна" приводится такой случай: В 1453 г. Седжо, предпринимая первые шаги на пути к власти, убил опекунов малолетнего государя Танджона - Ким Джонсо, Хван Боина и многих их единомышленников, захватил пост главы государственного совета. По этому поводу он пожаловал всем высокопоставленным чиновникам из придворной академии Чипхенджон (куда входили почти все "Шестеро казенных") титул "Чоннанконсин" - "Заслуженный чиновник, устанавливающий спокойствие во время смут". Все награжденные этим титулом сановники по очереди устраивали пир в честь своего награждения. Не устроил пира один Сон Саммун. От титула он, однако, не отказался (не мог по каким-то причинам?).

Создается впечатление, что пиру здесь придается какое-то особое, возможно, ритуальное, значение.

Награждая сановников почетным титулом особо верного подданного в обстановке нестабильности при дворе, Седжо хотел заручиться их поддержкой для осуществления своих дальнейших планов. Он, таким образом, выразил свое отношение к сановникам - тем самым призывал их примкнуть к нему. И сановники, по-видимому, должны были со своей стороны подтвердить свои тесные отношения с Седжо, заявить о своей безоговорочной преданности ему. Знаком этого, а также - их тесной связи между собой как сторонников Седжо служил, по всей вероятности, пир, которым каждый из них должен был отве-

тить на высокую награду. Решение Сон Саммуна было знаком его принципиального нежелания примкнуть к Седжо.

Такая семантика пира как средства укрепления тесных связей характерна для архаических культур. Как отмечает Дж.Дж.Фрэзер, "... связи, возникающие через совместное принятие пищи, окружаются в первобытном обществе ореолом святости. Принимая участие в совместной трапезе, двое людей на деле дают залог доброго расположения друг к другу; один гарантирует другому, что не будет злоумышлять против него; ведь совместная еда физически объединила их и всякий вред, причиненный сотрапезнику, рикошетом с той же силой ударит по злоумышленнику". (8, 196).

Эти представления были свойственны и древнекорейской культуре. В системе "хваран" в эпоху Силла они трансформировались в особую форму – форму кормления ученика (социально младшего) наставником-хвараном (социально старшим) с тем, чтобы подкрепить их неразрывную связь. Последнее в идеологической системе "хваран" считалось неременным условием для обеспечения гармоничного состояния мира, гарантией спокойствия и благополучия как государства, так и всего космоса (3, 15-60).

В историческом сочинении "Самгук юса" (1285 г.) приводится следующий эпизод, связанный с хвараном Чукчи, соотнесенный с правлением государя Хёсо-вана (737-741): Один из учеников хварана десять дней не появлялся в доме учителя. Как оказалось, Тыго внезапно был послан на строительные работы. Выяснив, что ученик невиновен в долгом отсутствии ("он ушел не по личным делам"), хваран Чукчи сам направился к нему, взяв с собой всех своих учеников (их было 37), чтобы угостить Тыго едой и вином (1, 174-178; 3, 51-54). М.И.Никитина предполагает, что за этим актом кроется подтверждение связи ученика и наставника, включенности ученика в "облик" своего наставника-хварана. (3, 54).

Такую же цель – подтверждение единства старшего и младшего – имеет прощальная церемония государя Силла Нульджи-вана /417-457/ со своим подданным Ким Джесаном: перед тем, как отправить Ким Джесана в Когурё, чтобы тот вызволил одного из его братьев, государь пьет с ним из одной чаши и пожимает ему руки. (1, 108; 3, 54).

Сходная ситуация встречается и в других, более поздних памятниках. Ср. расставание государя со своим подданным в "Повести о полководце Ниме" (5, 43), "Повести о Чжао Сюне" (6, 445) и др.

Представления об особой значимости кормления социально младшего (ученика, подданного) социально старшим (наставником, госу-

дарем), очевидно, были актуальны и для корейской культуры XV века. Доказательством этого может служить предсмертное стихотворение Сон Саммуна, являющееся, по существу, клятвой верности подданного своему государю. В этом стихотворении Сон Саммун так подтверждает свой статус подданного:

"Есть еду, которой кормит [меня мой] государь,
Носить платье, в которое одевает [меня мой] государь, -
Это сокровенное желание всю жизнь
Не хочу нарушать.

Один раз умру, но твердо знаю,
Что верность и долг останутся [жить].

Сосны и кедры на могиле Мунджона -
И во сне неотступно думаю [о них]."

Особое значение придавалось, по-видимому, не только "кормлению" как таковому, но и жалованию, которое получал чиновник, находящийся на службе. Жалование имело помимо финансовой и юридической значимости еще и ритуальный (магический) смысл. Точно так же как кормление ученика хвараном-наставником означало включение ученика в состав его свиты (т.е. в состав его облика), назначение государем жалования чиновнику означало признание его своим подданным, лично с ним связанным. Неприятие же еды от старшего свидетельствовало о самом решительном разрыве связи между старшим и младшим по инициативе младшего, отторжение младшего от облика старшего. (Ср.: "Житие Хесука" в "Самгук юса", где Хесук отрезает себе кусок от бедра и тем самым "возвращает" хварану съеденное им мясо, показывая свое возмущение поведением хварана. (I, 449; 4, 181).

Соответственно, неприятие жалования должно было восприниматься как знак того, что данный чиновник себя не считал подданным государя. Так, Седжо на допросе спрашивает Сон Саммуна: "Разве ты не кормился за счет моего жалования? Ты брал жалование и все равно изменил мне, беспринципный ты человек!" Однако выясняется, что Сон Саммун с самого момента вступления на престол Седжо получал жалование, но не использовал его. Он все жалование - и деньги и зерно - складывал в отдельной комнате, где они хранились в неприкосновенности, несмотря на то, что семья его терпела нужду. В тексте "Жизнеописания" сказано, что из всего домашнего имущества в доме Сон Саммуна оставалась одна циновка. Иными словами, Сон Саммун доказывает Седжо, что он никогда не считал себя его подданным и поэтому внутренне свободен и имеет моральное право поднять против него мятеж.

Та же самая логика свойственна и поступкам Ха Виджи. В самом начале, когда Седжо только готовился захватить власть, Ха Виджи в знак протеста продал свое красное парадное платье и вышел в отставку. Несколько лет спустя Седжо, вступив на престол, пригласил Ха Виджи вернуться на службу. Тот согласился. Возможно, потому, что у него появилась надежда свергнуть Седжо, устроив заговор. У него также, как и у Сон Саммуна, в доме было отведено специальное помещение, в котором он тайно складывал жалование. Такое их поведение объяснимо: ситуация не позволяла выступить открыто. Это сразу же повлекло бы за собой смерть. А по словам Сон Саммуна "От смерти попусту нет проку". Они же стремились к восстановлению на престоле прежнего государя.

Насколько принципиальной была позиция Сон Саммуна по отношению к "еде", показывает его сиджо, посвященное легендарным героям древнего Китая - Бо-И и Шу-Ци (XII в. до н.э.). Согласно традиции, они отказались служить У-вану, свергнувшему династию Инь, (дословно: "они стыдились есть его жалование" (10, 106; 7, 306), и удалились в горы Шоуян, где питались папоротником и в конце концов умерли от голода. В китайской и официальной корейской культурах Бо-И и Шу-Ци считались образцом сыновней почтительности и верности своему государю. Однако Сон Саммун говорит, что они в своей верности династии Инь не были последовательны до конца: им следовало отвергать не только жалование, но и вообще любую пищу, которой они так или иначе обязаны узурпатору. По его мнению, даже дикорастущие травы, которыми они питались, имеют отношение к У-вану. Ср. его сиджо: "Смотрю издали на горы Шоуян

И думаю с негодованием о Бо-И и Шу-Ци.
Они скончались от голода,
Но разве они не собирали папоротник?
Пусть это всего лишь трава,
Но на чьей земле она выросла!?"

Об этом же он пишет и в одном из своих стихотворений на ханмуне (9, 307).

Все сказанное здесь о роли "еды" в "Жизнеописании шестерых вассалов" указывает на то, что корейская элитарная личность и в XV веке в кризисной для себя ситуации опиралась на архаические представления, оформившиеся в эпоху Объединенного Силла (УП-Х вв./.

Литература

1. Ирён. Самгук юса (События, оставшиеся от времен Трех государств). Пхеньян, 1960.

2. J. Legge. *The Chinese Classics. Vol. II. Oxford, 1895.*
3. М.И.Никитина. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982.
4. М.И.Никитина, А.Ф.Троцевич. Очерки истории корейской литературы до XIV в. М., 1969.
5. Ним чангун джон ("Повесть о полководце Ниме"). М., 1975.
6. "Повесть о Чжао Сюне". - Восточный альманах. Вып. I4. М., 1986.
7. Тэбэкква саджон (Большой энциклопедический словарь). т. 3. Сеул, 1958.
8. Дж.Дж.Фрэзер. Золотая ветвь. М., 1984.
9. Ханси джип (Сборник стихов на ханмуне). Пхеньян, 1985.
10. Цы вань. Шанхай. 1931.